

Мейерхольд Всеваев.

8.09.09.

Последние старания Маэстро

Книга Екатерины Горбуновой "Мейерхольд репетирует "Тридцать три обморока", без сомнения, вносит свою долю в летопись жизни и творчества режиссера. Именно в последние десятилетия, когда окончательно рухнули идеологические запреты и личность Мейерхольда побудила многих исследователей взяться за труд проанализировать все с ней связанное – либо ранее сокрытое, либо недостаточно откровенно зафиксированное, – именно сейчас эта скромная книжка представляется особенно полезной. Дело в том, что Е. Горбунова – не просто исследователь, но – очевидец. Ныне доктор филологии, кандидат искусствоведения, Е. Горбунова оказалась обладательницей уникальных записей мейерхольдовских репетиций. Причем эти записи она делала собственноручно, когда, будучи в 30-е годы студенткой театроведческого факультета ГИТИСа, проходила практику в Театре Мейерхольда. Ей повезло. Она стала сотрудником научно-исследовательской лаборатории по графической записи мейерхольдовских работ и под руководством Леонида Варпаховского фиксировала в простых школьных тетрадках то, что станет спустя десятилетия бесценным материалом. "Тридцать три обморока" – последний спектакль Мастера, который дошел до зрителя. Критика тех лет не посчитала его удачным, и рецензий по себе он заслужил мало. Сам Мейерхольд, как известно, тоже переживал в этот момент некое мучительное ощущение творческого перелома. Успех "Дамы с камелиями", скромный резонанс от "Тридцати трех обмороков", первые признаки удущия от социально-политической обстановки тех лет, предчувствие смены духовных и эстетических ориентиров – все это переплелось в Мастере в тугой узел противоречий. Юной студентке, наблюдавшей Мейерхольда, его актеров и зрителей почти ежедневно, было тогда, естественно, не до обобщений и тем более прозрений. Но остались записи. Спустя годы и годы, уже в 90-х, они, извлеченные на свет, заиграли объе-

мами и смыслами в контексте узанного, пережитого, возвращенного из небытия.

Немало написано о вечном споре Мейерхольда и Станиславского. Равно – об антагонизме двух типов театра и об их общности, о природе условного и реалистического и так далее. Е. Горбунова в своем исследовании тоже (что вполне справедливо) отдает данной теме должное. Эти места книги – далеко не самые сильные ни с научной, ни с литературной точки зрения и вряд ли добавляют к уже известному нечто новое. Хотя стиль авторского письма, живой, острый и эмоциональный, – одно из явных достоинств книги. Главная же ее ценность – в наблюдениях и точных, искренних комментариях к ним. В том, как описаны хаос и неуют здания, где шли репетиции, растерянность артистов, не услышавших на премьере водевилей ("Тридцать три обморока") были поставлены по чеховским одноакткам) ни единого смеха в зрительном зале. В том, как схвачен облик самого Мастера: неизменный франтоватый бант, отчужденный взгляд, внезапные приступы раздражения, печать все более усиливающегося одиночества. Автор приводит высказывания Мейерхольда о Чехове (которого он, как известно, боготво-

рил), его призывы к артистам вслушиваться в каждую запятую, в каждое междометие. Лозунг "идти от автора" в процессе создания спектакля, однако, превращался в свою полную противоположность: текст кромсался, сюжеты и герои переписывались беспощадно. Призывая актеров сживаться со своими персонажами чуть ли не "по Станиславскому", режиссер в итоге своими смысловыми надстройками и поисками глобальной обличительной идеи лишал их этой возможности.

Отмечая, что режиссуру Мейерхольда принято считать "головной", геометрически вычерченной, Е. Горбунова, по собственному наблюдению, приходит к выводу совершенно обратному. На первой репетиции Мастер чертит на грифельной доске схему взаимоотношений персонажей, но спустя недели будто вовсе забывает об этом. Его репетиции больше напоминают импровизации, и совсем не похоже, что он к ним тщательно готовится. Из зарисовок, деталей, цитат возникает образ человека, остановившегося на мучительном распутье. Он будто бы уже прозревает новые пути, будто бы уже сжигает мосты, ведущие к былым, собственным страстным идеям. Но за окнами – середина тридцатых годов, и времени на новые созидания, как мы знаем, у Мейерхольда не останется.

Записки юной гитисовки и комментарии зрелого исследователя исподволь все же намекают на единородство Мейерхольда и мхатовских основателей. Не в прямых научных выводах, а именно в наблюдениях и фиксациях. Мейерхольд обращается к "Даме с камелиями" и чеховским водевилям. Немирович тем временем приступит к "Трем сестрам". Великие театральные строители, хотя и разными путями, но одинаково, "как Мопассан от Эйфелевой башни", бегут от пьес, воспевающих победное социалистическое строительство.

Наталья КАМИНСКАЯ
Е. Горбунова. "Мейерхольд репетирует "Тридцать три обморока". М.: АГРАФ, 2002.

Кудыгурова - 1004 - 2-8 сент. - 18